

Столик на двоих

Замечательный дирижер Евгений Колобов в 1991 году возглавил Московский муниципальный театр Новая опера. Несмотря на амплуа «ужасного ребенка» в театральной среде. Он действительно раздражает столичных критиков-снобов беспрецедентной перестройкой классики, которая зато никогда не отдает нафталином. И спектакли свои называет не «операми», а «фантазиями». Своей волшебной палочкой он достает из музыки все, что в других театрах порой заслонено шикарными декорациями, режиссерскими «наворотами» и стремлением певцов показать в первую очередь самих себя. И сколько же у него сразу оказалось благодарной публики! В сентябре, после исполнения «Руслана и Людмилы» на открытом воздухе в Коломенском, десятки людей бросились к сцене — разглядеть маэстро поближе, подарить цветы. На все лады, вразнобой кричали: «Спасибо!» (Именно в этот момент мы Колобова и сняли.)

Но для разговора Евгения Владимировича удалось поймать только недавно, после концерта молодых певцов, этим летом решительно пришедших в его театр. На вопрос, почему к нему, они отвечают: «Во-первых, интересно. Во-вторых, Колобов молодежи дает спеть то, о чем маститые в других театрах мечтают годами...»

свою назвал Валли, а сына — по имени второго героя, Вальтера. И я подумал: ну не может Тосканини детей по благу называть! Нашел ноты, пластинку — действительно, потрясающая опера.

— А спектакль о Моцарте? Вы его еще не поставили — а Москва уже поговаривает.

— Он называется «О, Моцарт. Моцарт...» Я же хулиган в музыке, я же над музыкой издеваюсь, как пишут некоторые критики. Ну да меня это не волнует, я с Богом буду разговаривать, он мне скажет, какой я... В этом спектакле прозвучит «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова вперемежку с «Реквиемом» Моцарта и музыкой Сальери. Спектакль о гении и таланте. У Сальери все было в жизни — деньги, женщины, слава, талант. Одного не было — гения. Он не убийца, нет, я не об убийстве хочу спектакль сделать. Не о конфликте Хасбулатова с Ельциным...

— О, кстати! Ходят слухи, что вы с Ельциным чай на кухне пьете.

— Ну не самые плохие слухи. Я когда работал главным дирижером в Свердловском театре, Ельцин был первым секретарем обкома. Однажды после концерта, на фуршетке человек на двадцать, мы выпили по рюмке водки. Все. Я Ельцина очень уважаю и соболезную ему. Не знаю, чем помочь. А с грязью смешать — это у нас очень любят. Сами ничего не делают, вот, мол, придет Ельцин, разберется, а мы пока лапшу на уши будем вешать, дурака валять...

— Вы обжились уже в Москве. Ходите в другие музыкальные театры — в Большой, «Геликон», к Покровскому на Сокол?

— Не могу сказать, что у меня мания величия, но в оперу не хожу никуда. Люблю Театр на Покровке Сергея Арцыбашева, он ведь в Свердловске училище кончал, а это самый дорогой для меня город. Сергей со мной будет ставить «Евгения Онегина».

— И все-таки: что-нибудь из аховых московских премьер видели?

— «Чайку» в «Ленком».

— Понравилось?

— Ну что за слово — «понравилось»! Самая

ру. Они там — так, ноты озвучивают. Я последний раз делал «Бориса Годунова» во Флоренции. Главную партию пел великий Руджиеро Раймонди. Так он единственный попросил меня с ним позаниматься! А остальные самоуверенно думали, что знают, о чем поют! Там же невозможно свести концы с концами: хор уже сам все выучил... темпы уже есть... а эти тыщу раз пели в других театрах... Меня это совершенно не интересует. Надо достоинство свое беречь.

— Но вы и со своим театром ездите, недавно «Руслана и Людмилу» возили в Америку.

— Будем ездить, но не по девять месяцев. Когда мать болеет — кто из нас уезжает в отпуск? Чем я могу России помочь? Чтобы люди хоть на пару часов забыли о нашей черноте! Это пусть эти идиоты, коммунисты уезжают отсюда! Я ведь тоже был в партии, они мне всю жизнь испортили, искали. Украли у меня море книг. За что? Библию, Бориса Зайцева, Нарокова, Мережковского... Я ничего не знал! А теперь уже поздно, времени нет читать. Я сначала пошел в наградной отдел и сдал свое звание. А потом партбилет. Если бы мне звание дали Рихтер, Ростропович, Темирканов — я б его никогда не отдал. А партия раздавала... И сейчас половина народных артистов — проходимцы. А я чист.

— Простите, Евгений Владимирович, я опять возвращаюсь к слухам. Говорят, вам в кино предлагают играть Паганини.

— Немножко не так. У Миши Левитина, главного режиссера театра «Эрмитаж», есть идея снять с немцами «Житейские воззрения кота Мурра» по Гофману. Я там должен играть Крейсера, а Гвоздицкий — Мурра. А насчет Паганини — это у меня кличка была такая в Мариинке. Не самая худшая кличка, слава Богу...

В артистическую, где мы сидим, заходит Яна Ивановна, только что завершившая концерт молодых солистов Новой оперы. Поет — сказка! А уж хороша — и по классическим меркам, и по современным.

— Яночка, кто тебе грим делал, моя красави-

Евгений КОЛОБОВ:

Вет. клуб - 1994 - 1 нояб - с 7

«Половина народных артистов — проходимцы. А я чист, я свое звание сдал»

— Евгений Владимирович, я помню ваше появление в Москве в конце 80-х. Помню вашего необычного «Бориса Годунова» в авторской редакции Мусоргского. Без поздних наслоений, без лубочной экспортной помпезности. Это было в Музыкальном театре Станиславского. Почему вы из него ушли?

— Почему я ушел??? Почему меня ушли!!! Я плохой оказался, сволочь, фашист, с народными артистами плохо обращался. Они меня вынудили уйти, вынесли из театра. Но вынесли вместе со 170 человеками. Весь оркестр, хор и группа солистов во главе с Галиной Писаренко ушли со мной, и даже отдел кадров.

— Вы по натуре, должно быть, диктатор, тиран?

— Ну как... Я жестокий человек. По отношению к лентяям.

— Понятно, в искусстве. А в жизни?

— У меня нет жизни. Я все время работаю.

— А семья?

— Жена Наташа — потрясающий хормейстер. Когда мы с ней пришли в Театр Станиславского, первое обвинение мне было, что я развожу семейственность. Наташа и в Новой опере у меня хормейстер.

— И дети, конечно, музыканты?

— Нет. К счастью! Сыну Антону 26 лет, в прошлом году окончил медицинский институт. А Марфа завтра уезжает во Флоренцию, в художественный колледж учиться. Семь лет музыкой позанималась и больше не захотела. А я и не заставлял. Я ведь и сам в музыку случайно попал. Родители у меня из вятской деревни, из-под Уржума...

— Значит, вы — еще один «мальчик из Уржума»?

— Нет, я в Ленинграде родился. Папа на работу ходил мимо хорового училища Капеллы, увидел объявление, что принимают мальчиков...

— Консерваторию тоже в Ленинграде оканчивали?

— В Свердловске. В 17 лет собрал чемоданчик и уехал туда от папы-мамы к Марку Израилевичу Паверману, помните, был такой лауреат первого дирижерского конкурса, вместе с Рахлиным и Мравинским. А 1 ноября у меня юбилей: ровно 25 лет назад я стал главным хормейстером Бурятского оперного театра.

— О Бурятском, честно, не знаю ничего. Но в Свердловском и Мариинке прославились, в Москву уже с именем приехали. И на тебе — этот скандал в Театре Станиславского...

— Меня тогда единственный, кто поддержал, — это Лужков. Вызвал меня: «Что вам нужно?» Не Губенко, не Ульянов, не Соломин... Они-то, по моему, только и ждали, когда я отсюда смоюсь.

— Вы думаете, Лужков так тонко разбирается в искусстве?

— Он еще ни разу не был ни на одном спектакле. Но он знает, что другие любят. Постоянно здания у меня нет, и я ему сейчас, 1 сентября, сказал в сердцах: буду работать, но дома, на даче... И он выделил 21 миллион долларов на реконструкцию здания в саду «Эрмитаж», австрийская фирма будет делать. Да я за Лужкова свечку ставлю в церкви!

— Вы такой кипучий, вечно у вас планы какие-то необыкновенные. Вот, например, в плане опера Каталани «Валли». Что это, откуда?

— У нас никогда не ставилась. Я и сам вышел на нее случайно. Читал книгу о Тосканини, и он пишет: какая потрясающая опера! Тосканини дочь

сложная чеховская пьеса, пьеса-загадка. Может, только один Антон Павлович Чехов и знает, что он там написал. Но Захаров — настоящий профессионал. Мне, кстати, и работа его дочери понравилась. Я ее раньше видел мельком, так, в кино. А она оказалась глубокая, искренняя. Вообще мне трудно судить, я тут дилетант.

— Интересно, если не вам судить, то кому?

— Ну я же дирижер все-таки. Но если бы поменять профессию, никогда не стал бы дирижером. Моя профессия подразумевает участие огромного количества людей. Это неизменно тяжело. Я завидую художникам и писателям. Если Бог дал талант, что им нужно? Карандаш да чистый лист бумаги.

— Не завидуйте писателям. Вас в театре это «огромное количество людей» обожает, вы идеями фонтанируете. А писателям сейчас не пишется. Вы счастливый человек.

— Если искать счастливых, то, наверное, только на кладбище. Там нет проблем. Как по Достоевскому? Жизнь — вообще экстремальная ситуация. А уж театр... Вспоминаю слова Анатолия Паланова: «Театр — это террариум единомышленников». А я этих террариумов повидал! Я и в маленьких театрах работал, и в великих, в Мариинке шесть лет. Меня туда Юрий Темирканов позвал. Сейчас про него разное говорят — пьет... не пьет... Побольше бы таких «алкоголиков» России! Мусоргских, а не трезвеньких Серовых, музыка которых никому не нужна.

— У вас в послужном списке — Америка, Канада, Франция, Италия, Испания, Япония...

— Мне работа за рубежом неинтересна. Я не могу понять, как можно за 20 дней склепать опе-

ца? Скажи, любовь моя, кто?

— Сначала мне делали... потом я сама...

— Ты такая красивая в жизни! Ты чудная была вчера, когда мы с тобой репетировали! Зачем намалася? Мазаться будешь, когда будет под полтинник!..

Яночка в полном замешательстве удаляется, и я задаю последний провокационный вопрос:

— Евгений Владимирович, я не представляю, ну как, как можно не влюбиться в таких вот певцов?

Вздыхает и — очень серьезно:

— Не имею права...

Мэр Лужков в том разговоре с напористым Колобовым то ли с перепугу от угрозы, то ли от большого уважения к Маэстро сразу и дату назвал: 1 сентября 1997 года. Три года подождать — и получите Новая опера свое здание в саду «Эрмитаж», в Зеркальном театре, свою собственную сцену, оборудованную по последнему слову. Глядишь, к тому времени и весь сад приобретет наконец человеческий, цивилизованный вид, исчезнут темные, неухоженные закоулки, и сад насадят новый, и снова москвичи будут ходить туда: кто просто гулять, кто (налево) на обзорные спектакли Михаила Левитина в театр «Эрмитаж», кто (направо) на изысканные фантазии Новой оперы, которые привнесут в культурный облик столицы свои неповторимые, уже столь привычные черточки.

Беседовала Наталья ЗИМЯНИНА. Фото Александра КОЧЕТОВА.